

ЛИЯ
СПЕЛЛМАН

ВДАЛИ

Лия Спеллман

Вдали

«Eksmo Digital»

Лия Спеллман

Вдали / Лия Спеллман — «Eksmo Digital»,

Тянущие лапы зомби, мертвенная тишина пустующих улиц, суровые погодные условия и единицы оставшихся в живых на Земле. Надеяться можно только на себя. Казалось бы, вполне определенная задача - выжить, дожидаться помощи от государства... Но когда в рану, нанесенную зомби, попадает инфекция, заражая твоего самого близкого человека, цели внезапно становится две. Через что - или через кого - придется переступить главной героине, чтобы добраться до лекарства, слабым огоньком надежды мелькающим где-то совсем далеко? Это то реалистичное изображение апокалипсиса, когда забываются моральные принципы, когда монстрами оказываются не зомби, а люди, а угроза вымирания всего человечества уже повисла над Землей, словно туча, через которую не пробивается солнце.

© Лия Спеллман

© Eksmo Digital

Глава 1

Я тяжело вздохнула. Либо бронхиальная астма давала о себе знать в условиях холодного, продуваемого помещения, либо так ознаменовалось начало не менее трудного дня. Облачко пара изо рта повисло передо мной на пару секунд и медленно рассеялось в холоде окружавшей меня темноты.

Нужно найти способ обогреть убежище. Еще не отошедшие от тяжелого, беспокойного сна глаза с трудом различали предметы в комнате, и я безуспешно шурилась в поисках чего-нибудь полезного. Вчера я едва передвигала ноги, силы, как и температура моего тела, стремились к нулю, и под покровом ночи я сразу плюхнулась на кровать, не обременив себя ни попыткой разжечь огонь, ни обезопасить его от возможных вторжений.

Ледяной ветер, с протяжным воем задувавший в трещины деревянных стен, заставил меня плотнее укутаться в куртку бледно-зеленого цвета и снова отправить пару нелестных слов в адрес затянувшейся зимы. Вспомнив что-то, я начала хлопать по карманам и наконец победоносно вскинула руку с зажатым в кулаке спичечным коробком.

– Раз, два, три, четыре... – зашептала я, откладывая каждую отсчитанную спичку в противоположный конец коробка, то и дело перепроверяя расчеты. Когда их количество достигло двенадцати, я снова принялась водить пальцами по каждой из них, пока окончательно не удостоверилась в количестве. Я закрыла коробок и надежно спрятала его в карман, запихнув поглубже. Молния до последнего не хотела поддаваться, но обещания разобрать ее на маленькие кусочки и отправить в мусорку сработали: с противным скрежетом застежка встала на свое место.

Как иронично: в прошлом – совершенно непримечательная бытовая вещь теперь стала необходимостью номер один для выживания. Я вспомнила про нож в рюкзаке. Ладно, номер два.

Допустим, какое-никакое средство для разжигания огня у меня есть, а вот с остальным дела обстояли хуже, не буду же я разводить костер посреди нашего нового убежища. Хотя... В абсурдных, безвыходных ситуациях спасти нас могут лишь не менее безумные способы их решения.

Слабые лучи утреннего солнца, совсем не греющие, но хотя бы дарующие крупинцы света, медленно скользили по окружающему пространству. Шкаф с покосившимися полками, паутина, приобретающая серый оттенок из-за попавшей в нее грязи на потолке и стенах – я передернулась, осознавая, что рано или поздно мне придется встретиться с ее обитателями, плита – оставалось лишь надеяться, что рабочая, холодильник, покрытый плесенью от старости. Я, словно пес на охоте, втянула носом воздух. Отсыревший, влажный, он вызывал тошноту, и я пообещала себе сделать уборку, как только разберусь с насущными проблемами, количество которых, к сожалению, давно перевалило за метку нормального.

Бинго! Небольшая, черного цвета печка скромно покоилась в углу, правда, не подавая особых надежд... Впрочем, как и абсолютно всё остальное, что присутствовало сейчас в моей жизни.

– Верно, Эд? – усмехнулась я, бросив взгляд на брата.

Еле подергивающееся, издающее хрипы, которые до смерти напугали бы любого, но не меня – у человека есть полезнейшее умение привыкать абсолютно ко всему – тело было зафиксировано на стуле с помощью бурых ремней, потрескавшихся от постоянной смены температуры и прочих внешних факторов. По ним даже можно было прочесть наш маршрут – вырванные из привычной среды домашнего окружения, они прошли через жаркое изнуряющее лето, дождливую осень, а теперь продолжали свое путешествие по дремучим зимним лесам. Я задумчиво постукала ногтем по ремням. Им нужна замена: вряд ли сейчас делают достаточно прочный материал, чтобы пережить подобное без ощутимого вреда качеству, а мне вовсе не хочется проснуться от звука кланья зубов изголодавшегося зомби в миллиметре от моего лица.

Эд издал негромкий рык, дернувшись вперед, и я вздрогнула, быстро выплыв из омута мыслей.

– Да знаю я, знаю! Я уже отправляюсь за твоим завтраком, заодно разведую обстановку поблизости. Тебе мозги кроличьи или птичьи? – кажется, говорить с ожившим мертвецом вошло у меня в привычку. Либо это единственное, что держит меня в своем разуме, либо это звоночек об обратном.

– А пока, зай, ты только не сердись, но мы примем обычные меры предосторожности. Я пока не знаю здешнюю обстановку – вдруг поблизости волки, а ты своими хрипами и рыками их привлечёшь? – с этими словами я достала из валяющегося неподалеку рюкзака самодельный тряпочный кляп и ловко заткнула рот раскапризничавшемуся брату. Тот издал грустный стон и как-то даже поник, опустив голову.

Я затянула фиксирующие ремни потуже; затем перепроверила их на прочность, быстро, но от этого не менее старательно. Внимательно осмотрела стул на наличие поломок и любых других погрешностей, которые могут позволить братцу сбежать. Удовлетворившись результатом, я подхватила рюкзак и забросила его на плечи, немного поелозив, чтобы тот улегся как можно удобнее. И затем, упрямо мотнув головой, снова сняла его: расставаться со всеми своими пожитками ужасно не хотелось, но выложить некоторые вещи являлось наиболее оптимальным вариантом. Мне совершенно незачем перенапрягать и так уставшие плечи и спину, которые не восстановились даже после длительного сна, да и отпечатки врезавшихся в кожу ремешков и деталей доставляли дискомфорт. И потом, упускать добычу, даже самую мелкую, из-за уже набитого доверху рюкзака – крайне досадно.

Опустившись коленями на пол, я проигнорировала холод, пронзающий мои ноги через потрепанную ткань штанин – помимо прочего, стоит заняться починкой одежды – и стала выкладывать одну вещь за другой. Они образовали небольшую горку рядом с санями, небрежно оставленными мною посреди убежища, еще ночью бегло оценив критическое состояние которого, я сделала вывод, что дорожка из снега прогнившему полу уже никак не повредит. И как мне привести это место хоть в какое-то подобие порядка?

А ведь Эд был тем ещё мастером на все руки... Его помощь была бы очень кстати. Да что помощь – я просто безнадежно сильно скучаю по своему брату, и никакому морозу, голоду, и ужасным в своих поступках людям не удастся заставить меня забыть о любви к нему. Я прикрыла глаза, с чувством теплившейся в моем сердце надежды, отдаваясь воспоминаниям.

– Ну нет же, ты его так ломаешь! – сильные, загрубевшие от привычки брата проводить всё свое свободное время в мастерской руки лишили меня самодельного арбалета, в тетиву которого я так старательно пыталась вложить стрелу. Несмотря на строгий тон, Эдвард оставался аккуратен, забирая у меня оружие, и еле заметные морщинки возле его глаз разбегались, выдавая усердие сдержаться от улыбки.

Я вздохнула, и прядка каштановых волос, до этого заправленная за ухо, всколыхнулась от моего дыхания.

– Ну вперед, мистер Я-Умею-Всё-На-Свете, – я как можно более безразлично взмахнула рукой, мол, не очень-то и хотелось, и отошла в сторону.

Задрав голову, я залюбовалась летним небом. Ветер неспешно гонял из стороны в сторону редкие облака. Я расставила руки, словно пытаюсь объять всю природу вокруг, и медленно закружилась на месте. Рядом находился лес, и где-то среди густых деревьев насыщенного зелёного цвета, какой приобретают листья только в самом разгаре лета, раздавалась трель соловья и чириканье словно подпевавших ему птиц. Я прислушалась к затейливым мелодиям, игнорируя звуки выпускаемых братом стрел, которые то и дело сопровождались заносчивыми победными выкриками. Да-да, мы поняли, ты хороши.

Пернатые обитатели леса будто соревновались друг с другом: вот приостановится напыженный соловей с вытянутой грудью, чтобы перевести дыхание и вновь затянуть свою

песню, как остальные тотчас заводят мелодию и того пище, и наперебой голоса о чём-то своём, птичьём.

Природа заняла все мои мысли и чувства, от ощущения свободы, окатившей меня, словно холодный приятный душ, я довольно эжмурилась, прикрыв глаза, поэтому не сразу заметила родителей, по тропинке возвращавшихся домой. От палящего солнца их скрывали соломенные шляпы, широкие поля отбрасывали на лица обоих тень. Мать держала в руках букетик полевых цветов, вокруг которого порхала бабочка, а отец шел рядом, приобняв жену за плечи. Они тихо переговаривались о чем-то, и я наблюдала за ними, склонив голову. прогулка пошла им на пользу: у мамы появился заборный румянец, а папины морщины разгладлись, и на смену им пришла улыбка.

Атмосфера спокойствия была прервана очередной арбалетной стрелой, на этот раз с визгом разрезающей воздух в паре сантиметров от моего уха. Я с ледяным выражением лица повернулась к Эду – знала, что это было нарочно, и даже чуть расширившиеся зрачки или вздрагивание признали бы за ним его маленькую победу.

– Ты либо совсем косой, – я раздраженно мотнула головой в направлении мишени, в роли которой выступало яблоко на вертикально установленном бревне – мой брат явно пересмотрел американских фильмов – находящееся в добром десятке шагов от меня, – либо пытаешься меня взбесить.

Брат вскинул бровь, перехватил арбалет и хитро прищуренные щелочки его глаз заговорили яснее любых слов. Я уже раскрыла рот, чтобы съязвить, но планы поменялись быстро: я понеслась к Эду и выхватила у него арбалет с колчаном. Игнорируя замершего от удивления брата, я заозиралась, словно дикое животное, загнанное в угол. Как назло, в моем мозгу было так пусто, будто кто-то прошелся там с пылесосом, лишив меня каждой мысли до последней.

Поняв причину моей паники и чертыхнувшись следом, старший брат наконец захлопнул глупо открывшийся рот, тем самым прекратив напоминать рыбу, запутавшуюся в рыболовных сетях, и рванулся сначала ко мне, потом в сторону приближающихся родителей, и в итоге замер где-то посередине.

– Помощи от тебя как от... – пробурчала я и не стала оканчивать фразу, занятая другими мыслями. Куда же деть эту чертову штуку?!

Не придумав ничего лучшего, я на полной скорости унеслась в мастерскую, не забыв громко хлопнуть дверью, потом с парочкой крепких ругательств снова вывалилась оттуда и забежала в дом.

Из окна с запылившейся рамой было отлично видно, как брат, натянув на лицо улыбку, направился к родителям. Он должен выиграть мне пару минут. Должен! Языком чесать Эд всегда был мастер. Девушки, то и дело вьющиеся возле него, были падки как раз на его умения сочинять красивые оды.

Я сжала в руках «орудие преступления» и прищурилась. Спрятать арбалет в нашей с братом комнате? Слишком очевидно. Бросить куда-нибудь на диван, действуя по тактике «сложнее всего заметить то, что лежит на самом виду»? Рискованно, неоправданно рискованно.

Я изучала пространство вокруг как в первый раз, пытаясь найти подходящее место для оружия. Всем своим нутром я чувствовала, как отсчитываются данные мне секунды, приближая к точке невозврата, и от этих мыслей арбалет словно потяжелел на тонну и начал обжигать мои руки.

Не теряя оставшихся крупиц надежды, я продолжала метаться по комнатам, с грохотом распахивая отсыревшие двери и топча нещадно скрипевший пол. Ещё парочка звуков нашего древнего аккомпанирующего дома, и можно собирать музыкальную группу.

Я вернулась в прихожую и глянула в окно: родители с усталым видом тянулись к дверной ручке, не оборачиваясь на активно рассказывающего что-то Эда. Тот перехватил мой взгляд и виновато пожал плечами.

Я с измученным стоном опустила голову на подоконник (предусмотрительно отодвинувшись от угла в паутине) и не подняла голову, пока не послышались шаги у порога и скрип открывающейся двери.

– Яблоко. На бревне. «Приманивали местную фауну»? – несмотря на скептицизм матери, Эдвард еще умудрялся держать лицо и что-то выдумывать на ходу.

Я, придав лицу невозмутимое выражение, ногой заталкивала арбалет с колчаном поглубже под диван и переводила взгляд с матери на отца и обратно, словно наблюдала игру в пинг-понг.

– А в чем дело... – начала было я.

– А то ты не знаешь! – прервал меня отец. – Вы опять за свое, да?

– Можно конкретнее? – в ход пошел блеф.

Брат за спинами родителей одобрительно кивнул, показав большой палец и тут же опустив его, стоило матери повернуться к нему.

– Вы снова смастерили какое-то оружие. Что на этот раз? Лук? Арбалет? – отец начал перечислять довольно длинный список, загибая пальцы. Мать, не переставая поддакивать мужу и припоминать нам судьбу всех вышеперечисленных вещей, тем временем медленно ходила по комнате, внимательно осматривая пространство и открывая каждый ящик, который встречался ей на пути.

Я сохраняла молчание, с недовольным видом сложив руки на груди. Брат, тоже притворившись партизаном, передразнил мою позу, вдобавок издевательски надув щеки. Даже в самые серьезные моменты он просто не может перестать вести себя как ребенок! Я шикнула на него со словами «Я так не делаю!». Эд, выглядевший как иглобрюх, хихикнул, но принял нормальную позу, теперь скучающе рассматривая носки ботинок. Потрепанные они у него какие-то. Надо бы подлатать. Съездить в город за кожаном, вернуться к верстаку...

Продолжая слушать непрекращающиеся, становившиеся все более и более нудными нравоучения, я заметила, как мать приближается к дивану, под которым сейчас и лежал арбалет. Еще секунда, и тайное станет явным. Чувствуя ответственность за то, что может произойти, я будто невзначай села на краешек дивана, скрестив ноги и громко вздохнув. Бросила взгляд на брата. Его лицо неестественно вытянулось, стоило ему проследить за моим пальцем, осторожно указывавшим на затаившийся в тени арбалет. Некогда холодного стального цвета, теперь его едва ли можно было различить – он покрылся пылью и грязью, долгие годы хранившимся под мебелью, где убираться никто не считал нужным. Изящные узоры и выделки, шестеренки, местами затронутые ржавчиной, придали оружию стимпанковский вид, за что я его так сильно и полюбила.

И сейчас я могла поклясться, что слышу, как проклятые пауки уже подобрались к НАШЕМУ арбалету и теперь тихо шуршат длинными лапками, исследуя попавший на их территорию объект.

– ...это опасно! – различила я из речи матери. – К чему вы готовитесь? Бросьте эти детские игры!

– Да-да-да, мам, мы поняли, – на автомате оттарабанила я. – Большие не будем.

– Это кое-что из наших старых вещей, – подхватил Эдвард. – Арбалет всё равно буквально разваливается в руках. Мы сходим, выбросим. Правда ведь? – он глянул на меня из-за плеча нависавшего в центре комнаты отца. Тот грозно нахмурил брови и смотрел на нас так, будто мы из этих луков по людям стреляли.

– Конечно, – кивнула я и выудила арбалет из-под дивана быстрее, чем кто-то из родителей успел что-либо сказать.

Грязь, обычно отпугивающая брезгливую меня, сыграла нам на руку: попробуй разбери, что прячется под серым слоем налипшей пыли. Я схватила Эдварда за руку и вылетела вместе с ним из дома: уже хотелось расхохотаться и отбить ему пятерню, но дело еще не было выиграно. Стараясь не думать о том, что именно свисало с арбалета чуть левее моей руки и какая мерзость теперь перекечевала на мои ладони с него, мы побежали прочь от дома, в лес. Он манил зеленой листвой, покачивал ветвями, шептал обещания, что там не будет никого, кроме нас. И мы знали, что природа не врет.

А арбалет... С мусорным ведром он встретился бы только через мой труп.

Хоть в чем-то я из прошлой жизни оказалась права. Изрядно опустевший рюкзак лег на мои плечи, и я пошла к двери, задержавшись только у тумбочки возле нее: там я оставила свое оружие вчера, положив его в один из ящичков, что пониже. Я немного пошарила рукой, ладонью напоровшись на пару торчащих железных гвоздей, и достала арбалет, который словно засверкал мне в знак приветствия.

Я медленно провела пальцем по вырезанным на дереве золотым узорам. Это ведь он его сделал. Подарил мне. Усовершенствовал в следующие же выходные, прислушавшись к моим словам во время совместных вылазок: улучшенные механизмы взведения и спуска тетивы позволяли достигнуть самой высокой скорострельности, какая только была возможна для такого оружия – конечно, с луком она не могла сравниться, но другого мне и не надо было. Когда я без задней мысли пожаловалась, что мое зрение отдалается от единицы, Эдвард достал мне сразу два прицела: диоптрический и оптический. Провел лекцию по использованию, ускользнул от вопроса, где и за сколько их купил. «Это не главное» – говорил он, наблюдая, как я любовно поглаживаю арбалет.

Блестящие шестеренки, щедро украшавшие стальную дугу из множества частей, медные крепления, отливные детали, которые выглядели так, словно были сделаны из драгоценных металлов, и предназначались человеку по статусу не меньше, чем королю или королеве... Много коллекционеров пытались его купить. Я все еще удивлена, что мой брат не поддался искушению и не распрощался с оружием в обмен на толстую пачку купюр. Изредка, если давление становилось невыносимым, а финансовое положение семьи не самым приятным, он скрепя сердцем брал заказ на схожую модель, но никогда не отдавал оригинал, хотя именно он вызывал азартный блеск в глазах потенциальных покупателей. Для них это было что-то вроде игры: кто кого перекупит, чей кошелек перевесит. Моральные принципы против материализма этого беспощадного мира.

Эд не любил работать под заказ. Это сковывало руки, прятало за углом дедлайны, словом, лишало свободы и пространства творить – а мастерство, в основном, и было для него способом самовыражения. Поэтому миру редко доставалось пользоваться созданными братом благами: «Пусть нанимают кого-либо еще. Я не городской мастер, и никогда себя таковым не представлял», – привычно бурчал он.

Я вставала на его сторону: отправляла чересчур надоедливых особ штурмовать великий и всемогущий Интернет в поисках других умелых людей, объясняла разочарованным родителям, что не всё в этом мире держится на деньгах, старалась помочь брату по мелочи. Тут ударить пару раз молотком (по деталям, не по пальцам, но иногда я путала эти понятия), здесь отшлифовать и покрасить, найти подходящий материал в магазине (а иногда для этого требовалось оббежать полгорода и порой возвращаться ни с чем и словами «снова заказываем по Интернету?»), или просто не мешать, если в происходящем за станком я не разбиралась от слова совсем. Последнее давалось мне хуже всего. Любопытство перевешивало, и я заглядывала за плечо брата во время его работы за верстаком, силясь рассмотреть новую поделку, выходящую из-под его рук.

Холодный ветер не церемонился с теми, кто осмеливался покинуть убежище, и я рефлексивно вжала голову в плечи, натянув жалкий кусок ткани, что когда-то именовался шарфом,

повыше. Надежды на то, что погода улучшится в ближайшее время, таяли быстрее, чем съестные припасы. Наверное, март просто не в курсе о том, что он март. Сейчас же март? Я старалась держать руку на пульсе и не терять представление о времени: один из таких неразрушимых концептов, как само Время, помогал не сойти с ума, иметь хоть какую-то определённую жизнь. Конечно, когда начинается самый настоящий зомбиапокалипсис, меньше всего тебе положено думать о календаре, но у каждого свои странности. Моя – одна из самых безобидных. Вот как-то раз я встречала человека, который был твердо убежден, что к каждому ожившему мертвецу можно найти подход, основываясь на его прошлом: каких-то привычках, привязанностях, страхах. Он смешно поправлял очки и горячо рассказывал о том, как однажды отпугнул зомби красным перцем. «Он ненавидел острое, точно тебе говорю. Сработала память! Человеческая память. Ты же знаешь, что не весь мозг поражается вирусом?» – горе-экспериментатор размахивал руками, чуть ли не кричал, приводил список доводов и каких-то совершенно непонятных мне научных слов, которые якобы описывали работу человеческого мозга. «Мы можем этим воспользоваться! За этим – возможность остановить апокалипсис! Приручить этих гаденышей, понимаешь?». Я кивала и осторожно делала шаг назад. Разубеждать я его не стала, в чем и винила себя потом. Надо было выбить эту дурь из него, пока... Пока не стало слишком поздно.

Его великие планы по спасению мира оказались его гибелью. Перед моими глазами всплыла картина: супермаркет в полумраке ночи, упавшие стеллажи, разбросанная еда... Настоящая приманка для оголодавших и отчаявшихся путников, как раз таких, как мы. И, конечно, мы были не первыми мышами, победившими на кусочек сыра напрямик в мышеловку: она захлопнулась, когда мы, жадничая, забили рюкзаки едой и пытались собрать ещё что-то в руки. Из темных углов зашаркали фигуры, а хрипение не менее нашего изголодавшихся монстров раздавалось так громко, что казалось, они нависают прямо над твоим ухом и уже готовы откусить кусочек.

Я знала, что нельзя давать страху поглотить себя с головой. Смерть уже стоит прямо за тобой, тянет костлявые руки, а Вирус, ее новый молчаливый помощник, смотрит исподлобья и прикидывает, как скоро ты присоединишься к армии оживших мертвецов. И, поверьте, ничего не подстегивает человеческий разум сильнее, чем ледяное дыхание того, от чего мы сознательно бежим всю жизнь.

Выверенный на подобных ситуациях разум действовал, кажется, отдельно от моих дрожащих конечностей: теоретически, здесь можно оббежать еле волочащих ноги мертвецов, здесь – опрокинуть громадную полку и обрубить им путь, а разбитая витрина – не самый безопасный, но зато самый быстрый способ сбежать.

Марафон, в котором ты либо выигрываешь, либо умираешь, начинается через три... два... од-!

Ненормальный ученый, вместо того, чтобы удирать со всех ног, на моих ошеломленных глазах тянулся к придавленному автоматом с содовой зомби. Я прищурила глаза, пытаюсь разобрать предмет, который он так настойчиво протягивал похрипывавшему мертвецу. Чипсы?! ЧИПСЫ?! Я настолько выпала из реальности от увиденного, что не сразу нашла, что сказать.

Помещение оживало всё стремительнее и стремительнее: стадные чувства зомби подняли их на ноги, и теперь они со слабым рычанием двигались к нам, ползя, цепляясь друг за друга, спотыкаясь о разбросанные предметы и теряя по пути конечности.

– ТЫ ТОЧНО ДОЛБАНУТЫЙ! – слова все-таки нашлись. – ТЫ... СОВСЕМ ОПОЛОУМЕЛ? НАМ НАДО БЕЖАТЬ!

Я рванула было к нему, но вскоре затормозила, заскрипев кедами по керамическим плитам: за моими плечами было несколько месяцев непрерывной борьбы за выживание, и последнее, чего мне хотелось, так это распрощаться с жизнью в грязном супермаркете среди воня-

ющих разлагающихся трупов. С этим чокнутым я знакома от силы неделю – он сам навязался к нам с братом, мы попутчиков себе не искали. Брат! Меня ждал брат.

И Эд стал моей точкой над *i*. Я попятилась к выходу.

– Видишь, он в толстовке, кедах... Рюкзак за спиной болтается, – упоенно бормотал он, шуриша ярко-красным пакетом и пытаясь сунуть лакомство мертвецу так, чтобы тот не оттяпал ему пальцы. – Он подросток, совсем как ты. Лет 18, не больше...

– Прости, – я замотала головой. – Я не буду тебя оттаскивать насильно, ты погубишь нас обоих.

Осторожный шаг назад, потом еще один: под ногами захрустело стекло. Я не выдержала и бросилась наутек.

Громкий вопль. Я неслась со всех ног, не разбирая дороги, и видела перед собой только одно: как человеческую плоть раздирают гнилые зубы, как мертвые тела наваливаются на одно живое – пока что живое – как ногти царапают всё, до чего могут дотянуться, оставляя зараженные отметины и новые приступы боли, красными вспышками мелькающими в слабеющем мозгу.

Я вздрогнула. Погрязнув в воспоминаниях, я не сразу заметила, что на белоснежном снегу вот уже с минуту виднеются кровавые следы. Это может быть плохим знаком, а может быть и хорошим: в первом случае я наткнусь на раненного или недавно обратившегося человека, во втором – на пострадавшего зверя. Оленя, допустим. Мой рот наполнился слюной, и я сглотнула ее, мысленно уже смакуя возможную добычу.

Кровавая дорожка петляла и вела куда-то за деревья. Голые стволы навеивали чувство безысходности и одиночества; с одной из веток сорвался ворон, зашумев тяжелыми крыльями. Он сел на снег и уставился на меня немигающими черными бусинами-глазами. Я зачем-то кивнула птице.

И встала как вкопанная, когда снова опустила взгляд на землю: след из крови пропал. Пропал, будто его здесь и не было никогда. Я проморгалась и на всякий случай посмотрела еще раз. Ничего.

И ведь каждый раз страшно, как в первый... Галлюцинации не были частыми моими гостями, но, если они и появлялись, я мысленно прощалась со своим рассудком, решая, что тут-то и настал конец моей психике. По природе своей довольно безобидные, видения мелькали немного тут и там, а потом исчезали.

Меньше в прошлом рыться надо. И всё будет нормально.

Я пожала плечами и достала арбалет.

Глава 2

Брезгливость – это настоящая беда, если мы говорим о зомбиапокалипсисе. Многие справляются со своим отвращением, отправляют вкусовые принципы в топку и вгрызаются чуть ли не в сырое мясо пойманной крысы, лишь бы приструнить острое чувство голода; неженки, которые раньше притрагивались исключительно к разделанным куриным грудкам в полиэтиленовых упаковках, теперь голыми руками сворачивают шеи всему летающему, бегающему, прыгающему и съедобному в теории.

Я могла преуспеть во многом, но только не в этом. Пересилить себя получалось только в крайних случаях: когда от голодной рези в животе невозможно сделать вдох, когда ты понимаешь, что либо ты берешь нож в руки и с ног до головы покрываешься пятнами крови животного, неумело избавляясь от шкуры и вырезая неаккуратные куски мяса, либо ты ложишься рядом с ним вторым трупом.

Снег в кастрюле зашипел, тая. Еще немного времени, и можно будет добавлять новую порцию снежной массы, и так постепенно пополнить запасы питьевой воды. Хотелось, конечно, просто отправить гору снега в емкость и закрутиться со своими делами, но я была научена

горьким опытом: из-за образующейся на дне полости появлялся риск прогорания посуды. Я лишилась пары котелков, прежде чем поняла, в чём было дело!

Пока химические процессы, происходящие в кастрюльке с тонкими черными стенками разрешались без моего участия, я возилась по дому. На самом деле, с ним нам крупно повезло – видимо, прошлые жители не съехали, а просто выбрались на очередную вылазку, которая оказалась для них последней. Иначе – я повертела в руках приличную шапку, найденную в гардеробном шкафу – все теплые вещи они забрали бы с собой, ведь такими ценностями сейчас не пренебрегают. Да и другие необходимые для выживания предметы лежали на своих местах: в шкафчике рядом с выходом я уже нашла пару коробков спичек и что-то, что заставило меня застыть на месте на слишком долгое время, разглядывая находку.

Такое прошлые жильцы бы точно не забыли – когда теряешь одного близкого человека за другим, поневоле становишься сентиментальным. В моих руках оказалась пачка фотографий: везде изображена одна и та же счастливая пара лиц. Девушка и парень, молодые. Улыбаются в камеру, машут рукой, обнимаются или шутливо толкаются. Банально, конечно – от какого количества таких парочек в людных местах я раньше морщилась и отворачивалась? – но всё равно как-то печально. Я положила фото на запыленную поверхность тумбочки. Сгодятся в качестве топлива, потом заберу с собой.

Раз уж домик полон припасов, смысла торопиться нет. Я не спешу. Вряд ли вообще хоть кому-то сейчас есть куда спешить. Мир полетел в тартарары.

Тем не менее, попытаться укрепить временное пристанище стоит прямо сейчас: не уверена, что где-то под кроватью бывших жильцов найдется ящик с инструментами, но стоит проверить. Да и молоток у меня уже есть – правда, он всё еще в крови зомби, который решил, что может застать меня врасплох, если я стою к нему спиной, занятая починкой сапог. В ход пошло первое, что оказалось под рукой, точнее, в ней, и теперь мозги того бедняги украшают верстак за пару миль отсюда.

Думаю, мой брат уже покончил с завтраком. Я вышла на улицу, прищурилась из-за удививших в глаза солнечных лучей и подошла к утробно рычащему зомби в ремнях.

От свежего кислорода распирало легкие: интересно, дело в том, что мы ушли крайне далеко от любых намеков на цивилизацию, или в том, что когда происходит коллапс мировых масштабов, времени на загрязнение окружающей среды не остается? Машины, а тем более топливо, сейчас на вес золота, заводы с их извечными выбросами в атмосферу остановились навсегда, а мусорить практически некому. Я думала об этом как-то равнодушно. От мысли о том, что мы с братом одни на пару сотен километров точно, я чувствовала скорее облегчение, чем тревогу. А ведь когда-то для чувства относительной защищенности мне нужна была компания, как минимум те, на кого можно положиться. И лучше, чтобы у этих людей было огнестрельное оружие. Исключительно спокойствия ради.

– Фу! – выразительно сказала я, наблюдая, как брат высасывает остатки мозгов из птичьей головы. В застывших глазах ворона читался упрек: мало того, что оборвала невинную жизнь, так ещё и после смерти решила поиздеваться.

Я этого не хотела. Да и Эдвард вряд ли был бы рад, осознавая он в полной мере, что делает. Несмотря на всю нашу любовь к оружию (если посчитать все луки, арбалеты и ножи, которыми мы обзаводились на протяжении наших жизней до наступления дня X, можно решить, что мы парочка маньяков), мы никогда не ранили живых существ. Мы охотились на ярко-красные мишени, расставленные нами же в лесу, на соседские яблоки, заманчиво покачивающиеся на ветвях и готовые брызнуть сладким соком, друг на друга, в конце концов – для таких случаев у нас был запас стрел и болтов с пластиковыми наконечниками. Это была наша альтернатива водным пистолетам, и это полностью нас устраивало.

Сейчас по пальцам брата стекало что-то... неприятного бурого оттенка, пока он усердно выскребал стенки черепа ворона. Я отвела взгляд. Свернуть шею птице или другому зверю,

играющему роль поставщика мозгов, перестало быть проблемой, гложащей мое сознание и нервы, где-то раза с девятого – хотя бы из моральных соображений, что отдавать их на растерзание зомби живьем было бы верхушкой садизма. Но на большее я всё ещё не могла решиться, хотя с наступления конца света прошло не меньше полугода. Это сильно урезало мой рацион, хотя с помощью Энн – так я любовно окрестила свой арбалет, специально выбрав имя, созвучное с братским – я бы спокойно могла питаться дичью на завтрак, ланч, обед, ужин и саппер¹. Когда-то. На самом деле, сейчас с пропитанием становилось всё тяжелее и тяжелее. Зверье умирало, вырубается вирусом, и даже достать мозги было не так просто.

Где-то вдали закричала гаичка. Протяжно и противно, будто насмехаясь над кем-то. Снова и снова она тянула гнусаво-раздраженное «чжэ-э», и даже я поморщилась. «Пушу на корм!» – мысленно пригрозила я, хотя практическим умом понимала, что в такой крохе брату не найдется еды даже на закуску. Тем не менее, если мои скудные познания в биологии не играют со мной злую шутку, велика вероятность, что эта птица там не одна. Где-то поблизости – корольки, синицы, ополовники. Компанейские по своей натуре, они сбиваются вместе, наполняя леса причудливыми голосками и звуками. И зря: песнь легко могут оборвать лисицы или даже волки, не пренебрегающие и мелкой добычей после долгой зимы, когда охота заметно усложняется.

Я вернулась в дом. Бутылки с питьевой водой уже стояли под столом, абсолютно безопасные к употреблению, и теперь на плите приветливо посвистывал чайник. Через пару минут вода закипит, и я смогу приготовить свой завтрак, найденный в одном из кухонных шкафчиков: быстрорастворимая каша с... кусочками малины. Замечательно. Крайне питательно, наверное. Я встряхнула коробку с сухой смесью и поставила её на стол, рядом с уже подготовленной ополоснутой тарелкой.

А ведь здесь неплохо. Мрачновато, конечно, но это поправимо. Починить засов на двери, как-нибудь прикрыть досками пару трещин в стенах и потолке, убрать, залатать занавески и прохудившуюся простынь... Совсем рядом со мной – чаща уральского леса, неистощаемый источник пропитания. Если постараться, можно сделать что-то вроде небольшого огорода рядом с домиком; заняться обороной, может, снова настругать забор из кольев?

От мыслей меня отвлекло невыносимое жжение в руках: задумавшись, я сжала тарелку с кашей так сильно, словно от этого зависела моя жизнь, и не отпускала где-то минуту.

Да, мы могли бы здесь остаться... В теории. А на практике – не станем, как бы ни хотелось, иначе выпадем из жизни окончательно. С наступлением зомбиапокалипсиса она вовсе не остановилась, только замедлилась, и подтверждением тому являются настоящие живые люди, и по сей момент ходящие по этой же самой земле. Среди них – работники правительства. Ученые. Биологи. Все, кто верит в возвращение прошлой жизни, готовые бросить все свои силы на общее благое дело – создание лекарства. Волшебной вакцины, которая адаптируется под вирус Contagio (так его окрестили из-за чрезвычайно высокой скорости заражения) и отменит действие мутаций. И это – не выдумка. Это реальность, к которой мне нужно приблизиться, чтобы спасти брата.

Я не имела ни малейшего понятия, как в точности вирус поражает тело человека и его разум, но я была уверена, что если человек заразится до своей смерти, то с таким же успехом можно этот процесс обратить. Грубо говоря, Contagio – это такая же болезнь, просто немного более опасная и еще не изученная как следует. В нашу достаточно продвинутую медицину я верила: таблетками из обычной аптеки мне брата не вылечить, но шансы на то, что исследователи смогут вернуть его обычное состояние, были очень высоки. Конечно, я опиралась не только на свои догадки: когда вирус начал поражать население, то несмотря на всю его чудовищную скорость, Интернет и абсолютная привязанность людей к нему сработались быстрее. По сети плавало множество догадок и теорий о происходящем, и в итоге стало известно, что вирус – это неудачный эксперимент, вырвавшийся из лаборатории. Любители фильмов о зом-

биапокалипсисе негодовали, что даже жизнь не подкинула им новых сценариев, пустив сюжет по самому очевидному пути (ну неужели этих горе ученых ничему не научили кино и книги?), а остальные стали копать, на кого же складывать вину за такое количество смертей. Докопались и до истины: был обнародован виновник, кем оказалась сравнительно небольшая биолaborатория одной страны, которая была на грани войны с другой. Государственные интрижки приняли ожидаемый поворот с неожиданным результатом: пока главенства пытались прийти к соглашению, одна из стран приказала своим ученым секретно разрабатывать био-оружие, видимо, ожидая исхода переговоров не в свою сторону. Вот только про «игрока на две команды», то есть, на две страны, никто не подумал. Из-за непредсказуемости произошедшего инцидента (про подробности здесь все умалчивают – видимо, заснять на видео то, как разбилась пробирка с тем, с чем разбиваться не должна была, или то, как тестирование прошло самым неудачным образом, никто на видео не снял), вся истина всплыла уже вместе с огромным количеством трупов. Бумаги и исследования проекта пострадали не целиком, и общие характеристики вируса прошли по нужным рукам, но прежде, чем люди смогли основательно взяться за разгребание того, что сами же и наворотили, уже половина Земли оказалась заражена. Когда военное положение просто некому вводить, а улицы наводняют сотни и тысячи оживших мертвецов, с которыми мы когда-то здоровались за руку, даже самые преданные своему делу особы бросают попытки спасти других и сбегают, чтобы унести собственную шкуру как можно дальше от очага заражения.

И только когда зомби стали чем-то привычным – вроде постоянно лающей собаки за забором у соседей – можно и нужно было подумать о других, прекратив бежать.

В моем рюкзаке есть карта – изрядно потрепанная, но всё еще пригодная для использования. В прошлой жизни я бы даже не предположила, что ради куска бумаги с нарисованной местностью подерусь с человеком, но, когда зомби начали заполнять город, я была не единственной, кто посчитал эту вещь необходимой для выживания. И не единственной, кто совершил набег на магазин «Шаг к природе» с целью достать ее и еще несколько пунктов из списка. Оставлять человека без чувств посреди магазина, пусть даже и на окраине, было подло, но мне нужно было как можно быстрее собрать вещи и валить из своего города – если население численностью в миллион вас не впечатляет, то примерно пятьсот тысяч зомби, свободно разгуливающих по территории, точно должны.

Жирным красным пунктиром я отметила проделанный за последние дни путь. Траектория нашего передвижения, виляющая и петляющая, больше напоминало походку не умеющего пить в меру мужика, который очень старательно пытался преодолеть расстояние между баром и своим домом, чем стратегически рассчитанный план, но в нем был свой смысл. Я избегала открытой местности, старалась держаться ближе к лесам, а после передышек в найденных постройках резко уходила в другую сторону, предупреждая возможность нападения мародеров или других недружелюбных соседей.

До ближайшего пригорода идти порядком пару дней. Если брать в расчет погодные условия, привалы и не самого подвижного брата, возможна задержка еще на сутки; а дальше – люди. Где люди, там и информация насчет происходящего, а значит, и возможность помочь спасти мир. Если не повезет в поисках живых – обычно везет только на поиски мертвых – придется двинуть в сам город. Эта перспектива меня не впечатляла, но выбора не оставалось: либо я прячусь мышкой по укромным углам, каждый день переживая одну и ту же рутину удовлетворения своих биологических потребностей (и с таким же успехом я могла бы собственноручно пустить брату пулю в лоб – от сидения на месте он не вылечится магическим образом), либо я, как обычно, беру всё в свои руки и иду к спасению.

Может, я даже найду работающий домашний телефон и попробую снова связаться с родителями; когда треклятый вирус начал распространяться, нас разделяли тысячи километров. Они уехали в другой город по работе, оставив нас с братом за главных, и с тех пор я не могла

выйти с ними на связь. Я потратила последние проценты зарядки мобильного на звонки и смс-ки, но так и не получила ответа. Возможно, родители оказались где-то в эпицентре, когда зараженные начали бросаться друг на друга – офисные блоки, где они обычно и работали, не оставляли пространства для маневренности, ровно как и шансов на выживание среди обезумевших монстров. Я не питала особых надежд, но исправно пыталась созвониться с ними пару раз в месяц. Не все населенные пункты были обесточены, и зарядить свой телефон, либо воспользоваться чужим домашним, вломившись в чью-то квартиру, было возможно: с другой стороны, такие места представляли особую опасность, рассадник таких же выживающих, которым ток нужен был по своим личным причинам. И делиться найденным они обычно не были расположены.

Город, который ожидал нас впереди, был достаточно внушительных размеров. За все время зомбиапокалипсиса я крайне редко останавливалась в таких, а еще реже эти вылазки заканчивались чем-то хорошим. Надо убедиться в состоянии моего оружия, но это чуть позже. Я медленно обвела пальцем название города в кружок думая. Месяцы выживания убедили меня в том, что возможность встретить кого-то, кто не будет первым же делом тебя грабить или палить из огнестрела, стремится к нулю. Если предполагать, что новообращенный знакомый не только занят спасением собственной задницы, но ещё и знает о том, где можно присоединиться к команде добровольцев, то метка, показывающая ту же самую вероятность, вообще упадёт в знак «минус». Нужен другой подход.

В голову ничего не лезло. Я поднялась со стула и пообещала себе придумать что-нибудь позже, а сейчас нужно завести брата внутрь. Он, конечно, смердит ужасно, но привлекать внимание ожившим трупом у дома не хотелось ещё больше.

– Ничего, – утешающе пробормотала я, снова затыкая Эду рот. Зубы клацнули в сантиметре от моей ладони, но тряпка быстро нашла свою цель. – Мы тебя вылечим, слышишь? Ты поправишься. И всё будет как раньше.

Как раньше, правда, уже ничего не будет.

* * *

Деревянная дверь заскрипела, плавно закрываясь: я держала в руках охапку ягод, а грибы лежали в моем рюкзаке аккуратными горстями. Такой перекус не вызывал особого энтузиазма, но все долговечные продукты, припасенные мною же, я строго решила не трогать до поры до времени. Пока лес предлагает, я беру у него.

Время после завтрака пролетело незаметно. Я наконец заштопала куртку, которая теперь стала лучше защищать меня от ветров, свободно гуляющих снаружи, а грязи в комнате немного поубавилось.

«Раньше я жадничала, – вспомнила я, промывая грибы под холодной сточной водой, – хватала все ягоды подряд, пытаюсь хоть чем-то набить желудок. Наивно предполагала, что если не черные, то сразу съедобные».

Так и напоролась на волчьи ягоды, которые сначала приняла за незнакомый мне сорт смородины. Помню, как обрадовалась, как срывала большие горсти с кустарника, любясь ярко-красным цветом и щупая плотную кожуру. А потом бегала к местному ручью, припадала к ледяной воде и пыталась унять жжение во рту; затем следовала пара адских часов, когда меня рвало так, что желудок выворачивало наизнанку. На этом агрессивные плоды не унялись – ядовитые не только внутри, но и снаружи, они еще и оставили после себя волдыри и ожоги на моей коже. Веселый денек был.

Чуть позже наструганные на скорую руку грибы зажурчали на плите, а я принялась рыться по шкафам в поисках гарнира. Макароны! Если упаковки сохранили герметичность и их содержимое не отсырело, то мой обед спасен. Не то чтобы апокалипсис оставил за мной привередливость в еде, но иногда хотелось чего-нибудь пожирнее да покалорийнее.

После сытного обеда предстояла работа: рутинная, медленная, не самая интересная, но зато дающая какую-то уверенность в будущем. Я забрала Энн с ее места на кресле и принялась осматривать на повреждения.

Замок? Знакомый шелчок успешно зафиксировал тетиву арбалета во взведенном состоянии. Есть. Ложа? Я легко подкинула оружие в воздух и поймала, взвесила на руке. В порядке. Колодка? Высокопрочная сталь, которой понятие износа в принципе не знакомо, уверенно выдержала серию выстрелов арбалетными болтами. Тетива... Пока что сойдет, но в обозримом будущем стоит обзавестись новой нитью. Прицелы – оптический и диоптрический – тоже в замене не нуждались.

Свои боеприпасы я всегда старалась забирать с тех, на кого навела перекрестье и спустила курок, поэтому болтов мне хватало. Конечно, ситуации бывают самые разные: то наконецник треснет и придет в негодность, то мне не хватит времени выковыривать их из чьих-то мозгов, потому что пора делать ноги, то еще что, поэтому их запас все-таки постепенно истощался. Можно наделать кривеньких самодельных, хотя бы на крайний случай, а там уж заглянуть в пару оружейных магазинов и обзавестись чем-то понадежнее.

Проблема в том, что последний раз, когда я пыталась самостоятельно сделать стрелы, закончился тем, что я рубанула себе по нескольким пальцам, кое-где лишившись ногтя, а где-то и небольшого куска кожи; затем выструганный моими страданиями болт даже не лег в отводимое ему место. Я не сдавалась еще где-то час, пока одно сломанное древко за другим ложилось мне под ноги. Щепки тонким слоем покрыли пол, и вскоре было невозможно передвигаться без характерного хруста под башмаками. В итоге из крафта я преуспела только в строении трехэтажных матов, и болты остались в точно таком же количестве, как и были.

Повторять этот опыт не хотелось. Обойдусь тем, что есть, и сделаю упор на оружие ближнего боя – оно-то перезарядки не требует. Моей любимицей среди таких была бита. Против нее еще ни один зомби не устоял! Так и ложились штабелями. Буквально. Возможно, дело в модификации: как только я нашла мою девочку, сразу решила вбить в нее с десятков гвоздей. Не стоит недооценивать потенциал самых простых, но при этом крайне эффективных вещей: торчащие со всех сторон железные шапочки и острые концы гарантировали увеличение повреждений на сорок процентов, и это не раз помогало мне расправиться с зомби, жаждущими мной полакомиться.

Я неспешно оттирала битую от засохшей крови. Темные брызги и потекшие мозги, конечно, добавляют антуража и служат своего рода предупреждением всем остальным, но иметь дело со ржавчиной на гвоздях не хотелось совсем. Да и мне нужно посмотреть, не треснула ли где бита, чтобы она внезапно не рассыпалась у меня в руках посередине боя.

Махать ею и представлять себя персонажем из одноименных комиксов было весело (не хватало только двух хвостиков, но я стриглась ржавыми ножницами из кармана моего рюкзака раз в месяц, сохраняя волосы в короткой прическе), но отчаянные времена требовали более отчаянных мер: я оставила в покое битую и пошла к столу, где так небрежно оставила пистолет, когда только пришла сюда. Обычно он занимал место под курткой, располагаясь в кожаной кобуре, заткнутой за пояс. Я с опаской повертела в руках невзрачное, но от этого не менее смертоносное оружие. Разобраться с принципом его действия получилось только наугад, и теперь я могу его перезаряжать – в рюкзаке лежит пачка патронов калибра 9 мм – и, собственно, стрелять. Дергаясь от отдачи, чуть не роняя пистолет, непроизвольно сжимаясь всем телом в ожидании грохота в ушах, но все же стрелять. Достаточно неумело, ведь я пользовалась огнестрельным оружием в САМЫХ крайних случаях, обычно предпочитая ему побег или что-то бесшумное, но от этого не менее убийственное.

Я проверила, не заклинивает ли затвор, переложила патроны в карман, чтобы до них было легко дотянуться и убрала пистолет обратно в кобуру. Заскрипела зубами и, проиграв спор с самой собой, снова достала: стала тренироваться быстро выхватывать оружие из кобуры

и наставлять на цель. Простор за дверью представлял собой идеальное поле для обучения, и, преодолевая ненависть к холодному куску металла у меня в руках, я целилась то из положения стоя, то лежа, то с колена, уходя ногами в мокрый снег. Знала, что в реальной ситуации всё будет иначе: дыхание собьется, прицел начнет покачиваться, руки предательски задрожат, и из пяти выстрелов максимум два поразят мишень. Но я продолжала, хотя бы ради вселения в саму себя какого-то жалкого подобия уверенности. Натренировавшись до такого состояния, что мои руки начали гудеть, я поставила пистолет на предохранитель и вернула его в дом, а сама приготовилась к ежедневной тренировке.

Мои регулярные физические нагрузки были довольно простыми: пробежаться кругом, минут так двадцать вытаптывая тропинку, наблюдая за природой и думая о чем-то своем, стараясь не заикливаться на происходящем. Эдакий аналог медитации. Шаги стучали метрономом и мысли о рутине (приготовить поесть на пару дней вперед, починить ботинки, сходить в лес за топливом) – наиболее безопасные, не вызывающие приступов тревожности или панических атак – эхом повторяли их ритм, ровной очередью проходя в моем мозгу, словно тот был конвейером огромных размеров. Снег то чавкал под ногами, то хлюпал; после каждой пробежки приходилось исправно сушить ботинки и носки, хотя сильного их намокания я никогда не допускала.

Другим строгим требованием зомбиапокалипсиса была мобильность. Сначала мы с еще-живым-на-тот-момент братом отважно взваливали на себя баулы, пытаюсь обеспечить себе безбедное существование, но идея быстро отвалилась: и, к счастью, быстрее, чем отвалились наши руки и ноги, стянутые множеством веревок и ремней. Передвигаться было неудобно, шумно, вовремя среагировать на опасность было всё равно что невозможно, и тюки вещей медленно стали опустошаться. Мы подавили голоса, нашептывающие, что без всего сразу нам не справиться; когда обстоятельства заставляли нас менять укрытие, в котором мы жили и держали все необходимое, мы обходились рюкзаками, и только в крайнем случае занимали одну руку прочным пакетом или вешали средних размеров сумку через плечо. Привычка сохранилась: единственный нож, лежащий сейчас в моем рюкзаке, заменял мне множество других хозяйственных вещей. Им я открывала консервные банки – иногда неудачно, проливая часть содержимого или норовя рубануть по многострадальным пальцам – срезала кору с деревьев, если есть было совсем нечего, ломала деревянные вещи, чтобы разжиться топливом, и многое другое.

Точильного камня нигде не наблюдалось, а носить его с собой я привычки не имела, поэтому, аккуратно проверив лезвие ножа пальцем, убрала его обратно в чехол, более-менее удовлетворившись состоянием острия. Если бы оно совсем затупилось, пришлось бы искать кирпич как альтернативу – этот метод затачивания меня никогда не подводил, но конкретно в этом доме я не видела ничего даже отдаленно похожего на кирпич.

Мои небольшие приготовления подошли к концу, и я, отбросив все вещи подальше, растянулась на кровати в мыслях. За окном еще было светло так, как может быть светло в ненастный весенний день, когда Зима уже должна передать правление следующему сезону, но тянет, не хочет расставаться с короной. Добродушная, всегда жизнерадостная девчонка-Весна и не спорит: играет ручейками в лесу, ласково будит животных, по одному отправляя их гулять, разговаривает с Солнышком, убеждая его вставать пораньше, и деликатно ждет, пока холода, наконец, уступят.

Тучи уже не затягивали небо серым полотном; редкие облака, похожие на клочки ваты, медленно плыли на фоне серо-голубых и белых красок. Палитра была тусклой, соответствующей привычному состоянию этих краев – в такое время года не стоит рассчитывать на богатство цветов. Позже всё изменится до неузнаваемости, но этой красоты нужно дожидаться, перебороть зимнюю апатию. Оно того стоило, конечно, но иногда ожидание слишком затягивалось.

Я зевнула. Хотелось спать. Или валяться без дела. Обычно неприятное на ощупь постельное белье стало заманчиво мягким, подушка – воздушной, словно облачко, а в кровати будто никогда и не прогнивали доски, из-за которых мое тело нещадно проваливалось вниз во время сна. Я задумчиво постучала ножкой по полу. Если вздремну пару часиков, апокалипсиса не случится (потому что он уже случился, ха-ха). Поддаваясь сиюминутному желанию, я вскочила, проверила замок, пожелала добрых снов брату, который, впрочем, спать не собирался, и легла обратно. Солнце не было активным, но из-за того, что только минул полдень, освещение всё равно не располагало ко сну. Я задернула занавеску на единственном окне в этом доме, которое находилось как раз рядом с кроватью. На моей ладони остался толстый слой пыли, и я быстро сдула его.

Я натянула одеяло до самого подбородка и заерзала, устраиваясь удобнее на спине. Внезапно стало неудобно. Сквозь неплотную зеленую штору пробивался блеклый свет и отчаянно лез в глаза, постельное белье слишком давно не видело хозяйственного мыла и воды, а тишина дома резала уши. «Хотя бы есть крыша над головой», – успокоила я себя, вспоминая случаи похуже. Но что-то не давало мне покоя, и я совсем не могла понять, что. К интуиции я обычно прислушивалась, но сейчас предчувствие было слишком... размытым. Непонятно, чего я ждала и откуда, понапрасну терзая саму себя. Я ругнулась, поднялась и на всякий случай переложила Энн под кровать, поближе к себе, предварительно извинившись перед ней за то, что кладу ее в такое темное и загроможденное место.

Решив, что я просто нахожусь в состоянии постоянного ожидания какой-то беды, я постаралась скорее провалиться в забытие.

Пришедший сон был тяжелым и беспокойным. Он не имел определенного сюжета, действий, лиц... И это пугало больше всего. Он давил морально, мне казалось, что сейчас пространственно-временной континуум схлопнется, раздавит мою черепную коробку. Меня окружала тьма, но не та, в которой можно свободно дышать и передвигаться, словно ты просто вышел за водой ночью в собственной квартире; нет, она нагнетала, мне становилось тяжело дышать – воздух будто стал осязаемым, начал лезть в уши, нос... Я блуждала по бесконечным черным коридорам, шестое чувство, пульсирующее где-то внутри, подсказывало, что нельзя останавливаться, что нужно продолжать идти, но мои ноги будто окаменели, и я с трудом передвигала их. Стояла безмолвная тишина, только подошва моих ботинок иногда шаркала о поверхность... чего бы там ни было под ногами. Звук становился то хлюпающим, будто я ходила по сырому фаршу, то утихал и словно уносился куда-то вдаль, только эхом доносясь до моего воспаленного разума, то становился громким и отчетливым, будто я ходила по обычному полу, да так, что моя походка скорее напоминала марш, хотя двигалась я всё это время одинаково.

К моим шагам добавились чьи-то еще. Я резко остановилась и вслепую замахала руками, пытаюсь предугадать, откуда ко мне подойдут. Иногда я боязливо прижимала их к своему телу, прекрасно понимая, что порой лучше оставаться в сладком неведении.

Шаги остановились в паре метров от меня, и я инстинктивно попятилась в противоположную сторону. Уперлась спиной во что-то мягкое. Я не успела даже пошевелиться, как пол внезапно затрещал под моими ногами: звук был резкий и неприятный, будто... Будто треснуло огромное стекло.

Я с визгом полетела вниз.

Глава 3

Налетевший порыв ветра ударил в окно и распахнул его настежь, из-за чего створки с грохотом встретились со стеной; я подскочила на кровати, мгновенно проснувшись. Короткие прядки, превратившиеся в полнейший беспорядок после беспокойного сна, лезли в лицо, загромождали обзор, и я яростно замотала головой, смахивая их.

Коротким, выверенным движением я выхватила нож и, держа его наготове, осмотрелась. В комнате было пусто. Штору трепетал вечерний холодный ветер, который быстро добрался и до меня, и я зябко завернулась обратно в одеяло, уже спокойнее убирая оружие в ножны за ремнем. От сна оставалось липкое, тягостное ощущение, ползающее где-то по спине и пробирающее до мурашек. Больше спать не хотелось.

Совсем рядом стрекотали сверчки. Не было слышно уханья сов, нахохлившихся на ветках и выжидающих грызунов, которых можно было бы схватить в когти и унести к себе, так что я предположила, что ночь еще не полностью вступила в свои права – на округу темно-синим куполом с россыпью звезд опустился поздний вечер. Я встала коленками на кровать и выглянула в окно. Небесные светила медленно мерцали, и я прищурилась, пытаясь найти созвездия. Вон те изящные линии, кажется, образуют Рака... Обычно его не видно, но благодаря улучшившейся погоде и ясному небу, я точно различила треугольник с цепочкой звезд у вершины.

Эдвард, притихший к наступлению темноты, смотрел в одну точку, неестественно выгнув голову. В этом сгорбленном силуэте с трудом можно было узнать близкого мне человека, и я с болью в сердце всматривалась в него, пока брат резко не повернулся к двери и рыкнул, из-за чего я дернулась от неожиданности.

– Ты чего? – удивилась я, на всякий случай ловко перевешиваясь вниз и доставая арбалет с болтами.

Брат продолжал слабо рычать сквозь тряпку и неохотно, через силу дергаться на стуле. Ремни жалобно затрещали. Я решила не игнорировать странное поведение Эда и пошла к рюкзаку за прицелом для арбалета, ступая медленно, с осторожностью, готовясь в любую секунду поздороваться с гостями.

В рюкзаке что-то зазвенело, перекатилось, звякнуло, и наконец я нащупала оптический прицел, завернутый в какую-то одежду. Диоптрика, конечно, покомпактнее будет, но в сумерках от нее толку мало.

Крепежный механизм с тихим звуком прокрутился до упора, установив устройство на месте. Я быстро распахнула дверь и вскинула оружие: если кто-то и стоит рядом с моим домом, то получит сразу же. Я не была отменным стрелком, но практики хватало с головой, да и с расстояния в метр-два любому будет сложно промахнуться.

Никого. Я решила тут же воспользоваться прицелом, не отойдя от порога и на пару шагов: щека встретилась с приятной прохладой приклада, и я стала напряженно всматриваться в перекрестье, стараясь дышать аккуратнее, чтобы угол обзора менялся плавно, а не «прыгал» туда-сюда. Мышцы всего моего тела напряглись, и я почувствовала, как по лбу стекает капелька пота. Если неприятель подкрадется слишком близко, не попавшись в прицел, в крайнем случае можно пожертвовать целостностью арбалета и вломить прочным деревянным прикладом. Главное – не упустить момент, иначе в честной рукопашной схватке я проиграю сразу же.

В линзе проплывали деревья, прячущиеся под покровом темноты, пустошь окраины леса, далекий-далекий горизонт. Торжествовало безмятежное спокойствие природы.

СТОП! Крестик прицела замер на черной точке вдали, появившейся откуда-то из леса. Я медленно подняла руку, отрегулировала зум и подкрутила колечко окуляра, возвращая изменившемуся изображению четкость. Сердце заколотилось быстрее, когда я различила очертания человека. Он шел быстро, часто оглядываясь и то и дело пытаясь перейти на бег, но не преуспевая. Иногда останавливался, опирался на колени руками и пытался перевести дыхание, но тут же, словно подгоняемый какой-то невидимой силой, снова пускался вперед.

Я перевела прицел чуть ниже, внимательно следя за его походкой. Незнакомец хромал. Я со злостью сжала зубы: на моем пути встречались и симулянты, которые сначала давят на жалость, а потом забирают у тебя всё до последней крошки, усыпив бдительность. Аферисты хреновы.

Еле-еле умирив желание прострелить потенциальной угрозе голову, я продолжила наблюдать. Через пару десятков метров стало заметно окровавленную штанину чуть ниже колена. Либо мошенники становятся чрезвычайно изобретательными, либо он и не собирался кого-то обманывать. Я всё больше и больше убеждалась во втором: зачем лезть к кому-то, находясь в таком плачевном физическом состоянии?

Не-ет, тут... Тут что-то другое. Не собственная выгода. Я облизнула пересохшие губы и вновь припала к прицелу. Было неестественно тихо, но ещё чуть-чуть, и я бы услышала, как в воздухе звенит напряжение.

Мужчина проковылял еще несколько десятков метров, и в линзе отпал всякий смысл. Я подняла голову и наконец поняла, *почему* он так безрассудно пытается преодолеть огромное открытое пространство, совершенно не беспокоясь о своей безопасности. На лице был написан ужас. Животный страх перекошил его резкие, словно рубленные топором черты лица. Что-то позади незнакомца полностью переключило разум на инстинкт самосохранения и слепо двигало его, словно податливую марионетку – куда угодно, лишь бы подальше от того, что было за ним.

Увидев меня, человек замахал руками. И даже тогда не прекратил идти, жалко волоча раненую ногу за собой. Я удивленно посмотрела на свои руки: в них всё также лежал арбалет, и мне стало действительно страшно. Насколько я могла судить, незнакомец находился практически в здравом уме, разве что немного пошатнулся рассудком. И физическим здоровьем. Так что же заставило его продолжать двигаться вперед, прямо на вооруженного человека? Я подавила желание попятиться и крепче сжала оружие в руках, мягко положив палец на курок.

– Не стреляй! Я безоружен! – мужчина продемонстрировал пустые ладони и поднял руки вверх. Оружия и правда нигде видно не было. Я обратила внимание, что вид, в целом, у него был на удивление... нормальный. Даже ухоженный, будто он только что вышел из своего дома на ежедневную прогулку, не забыв умыться и причесаться. Одежда, правда, оставляла желать лучшего: свежая грязь и кровь пятнами украшали штаны, а тонкая хлопчатобумажная футболка была странным выбором на фоне установившейся температуры.

Мужчина продолжал хромать ко мне.

– Ты должна спасти меня от них! Пожалуйста! – еще немного, и он подойдет ко мне на расстояние вытянутой руки! Страхнув с себя шоковое оцепенение, я уткнулась арбалетом в грудь незнакомцу и сурово посмотрела ему в глаза. В них метались искорки безумия, но спорить с моей подругой он не стал. И замер, понимая, что зашел дальше, чем следовало бы.

– Стой. На месте, – отчеканила я и заглянула ему за спину. Кто там может быть, орда зомби? Нет, в такой глуши ей не образоваться. Бандиты? Скорее всего. Я приготовилась использовать нарушителя спокойствия как живой щит для себя.

Незнакомец зашипел от боли: видимо, действие скакнувшего в крови адреналина прошло, и теперь он в полной мере ощутил прелести своего ранения. Я почувствовала раздражение. Свалился мне на голову, притащил за собой опасность, а дальше что? Зайдет ко мне в дом и попросит аптечку?

У оптического прицела есть один минус. Угол обзора существенно сужается, и пока ты внимательно высматриваешь что-то вдалеке, тебе с таким же успехом может прилететь сюрприз с совершенно другой стороны.

Прилетел он, правда, не мне.

Я тупо смотрела на труп перед собой. Крови было мало: из аккуратной дырки в виске она лилась очень медленно. Выстрел получился мастерским: я думала об этом чуть ли не безмятежно, с каким-то спокойствием смотря на тело. По крайней мере, зомби он точно не станет.

Всё вокруг затихло и померкло, остались только я и погибший незнакомец. Появилось глупое желание опуститься на колени и плавным движением рук закрыть его глаза: замершие, без крупицы жизни внутри. Я его не знала и без раздумий позволила бы умереть, если бы это

спасло меня или Эда. Но что-то во мне замкнуло, и я продолжала стоять на месте: инстинкт самосохранения, обычно работающий как часы, засбоил.

По ощущениям, прошло меньше половины минуты. Птицы в лесу защебетали по-особенному тревожно, и я очнулась: чувство было схоже с тем, что возникает, когда выныриваешь из плотной толщи воды.

Стрелок однозначно где-то здесь, и, если я не хочу упасть замертво рядом, нужно что-то предпринимать. Я рванула за дом, инстинктивно пригнув голову. Я ожидала свистящих у уха пуль (попасть в движущуюся цель из огнестрельного оружия совсем не так просто, как кажется), но меня сопровождала тишина, которая, впрочем, напрягала еще больше. Ее нарушил хруст веток: видимо, нападавший вышел со стороны леса. Спокойная поступь как-то не вязалась с возникшим в моем разуме образом кроважадного убийцы, бездумно отстреливающего головы, но выглядывать из-за укрывавшей меня стены я пока не решалась. Арбалетная стрела прочно лежала на положенном ей месте и была готова встать на мою защиту.

– Ты мне благодарность задолжала.

Я замерла.

– Про таких, как этот, говорят «вооружен и опасен», – лениво тянул голос. – Я, между прочим, всё равно что жизнь тебе спас.

– И сейчас это исправишь, да? – съязвила я, ни на секунду не доверяя ему. Плечом подпирая холодную стену дома, я еще раз проверила заряженную Энн и повернулась лицом к чаще, откуда пришел убийца. Он оказался умнее раненного: вместо того, чтобы подставиться и бежать по открытой местности, он шел по окраине леса всё это время. Кто он такой? Что им друг от друга нужно было? Что вообще происходит?! На все возникшие вопросы хотелось ответить одним выстрелом и забыть произошедшее, сделать вид, что ничего не было. Мне не нужны чужие тайны, секреты, и уж тем более проблемы.

– У него не было оружия! – выкрикнула я из-за укрытия, пытаюсь как-то отвлечь незнакомца и потянуть время. У того было неопровержимое преимущество: прячась за домом, я представляла собой крайне предсказуемую цель, и попасть в меня было легко, особенно учитывая его навыки стрельбы. Не думаю, что попадание в висок было удачной случайностью. В отличие от соперника, точно осведомленного о моем местонахождении, я даже не представляла, где он стоит. Надеяться на фортуны и выскакивать с оружием наперевес, вероятно, не лучшая идея.

Если он не глуп, то тоже не пойдет в лоб: вероятнее всего, что в этом случае мы просто «разменяемся» выстрелами и оба покалечим друг друга. Не-ет, ему нужна беспроблемная ситуация. Зачем подставиться, если можно просто прихлопнуть жужжащую мошку с умом, не пачкая рук? Например, он может затеряться в деревьях и снова пустить пулю оттуда.

Черт! Я в ловушке.

– Ты можешь исследовать его труп и найдешь клинок скрытого ношения, – снова замурлыкал голос. Что за странная манера речи? – Еще пара мгновений, и твое сердце отбило бы последний удар, а в груди зияла бы дыра.

Я недоверчиво поморщилась. И вздрогнула: пистолет черного смольного цвета вылетел из-за угла дома и проехался по земле, оставив после себя след. 9 мм – явно тот, из которого был произведен выстрел.

– Ты уставилась на него так, словно ожидаешь, что он заговорит, – съехидничал голос, обретший формы прямо передо мной. Он принадлежал высокому мужчине: его темные волосы были аккуратно уложены, а кристально-голубые глаза смотрели спокойно, даже чуть насмешливо. Не тот взгляд, которого ожидаешь, когда из вас двоих вооруженным остаешься ты.

Я отшагнула назад, перед этим предусмотрительно пнув пистолет в сторону.

– Мы на «ты» не переходили, – зачем-то сказала я. – Не находите глупым вставать на мушку передо мной, учитывая, что на моих глазах вы только что убили человека?

– Но ты же не будешь стрелять в безоружного? – проигнорировав мое первое замечание, он приподнял брови.

Всем своим видом выражая уверенность, мужчина медленно приподнял пустые ладони, демонстративно покрутил их, и затем спрятал в карманы. Куртка у него хорошая, теплая. Да и вообще одет прилично: весь в темном, строго по погоде, каждая деталь подходит по размеру. Словно стоял утром перед шкафом, полным одежды, и подбирал наряд себе где-то час. А сейчас он с детским интересом рассматривал мой арбалет, склонив голову набок, будто острие болта и не указывало точно на него. Словом, будто из другого мира пришел. Это разжигало во мне и неприязнь, и неподдельное любопытство. Откуда такие берутся?

– Буду, если безоружный меня напрягает, – заявила я. На самом деле, мне было сложно определиться: пачкать руки кровью невинных я принципиально избегала, а насчет его честности пока не могла ни убедиться, ни усомниться. И потом, вдруг он не один? Лучше воспользоваться им как заложником, от трупа же толку мало. Практический ум стал накидывать варианты и пути развития событий от каждого моего движения, так что пока я продолжала стоять на месте и сверлить незнакомца взглядом.

– Нет, верить ты мне не хочешь, – заключил тот. И с какой-то жалостью вздохнул. – Поговорим, когда очнешься, хорошо? Не люблю вести разговоры, когда мне в сердце смотрит стрела.

Я слишком поздно услышала осторожные шаги позади.

Темнота.

Глава 4

Глаза разлеплялись с трудом, а голова раскалывалась так, словно накануне меня огрели чем-то тяжелым. Спросонья мысли были какими-то туманными и неуловимыми, так что какое-то время я просто морщилась от тупой боли в затылке и моргала, стряхивая остатки сна.

Ах, да. Тяжелым. Я осторожно пощупала место удара, приподнявшись на локтях. Ладно, шишка – не сотрясение мозга. Я хотела с облегчением плюхнуться обратно, но вместо этого подскочила и заозиралась по сторонам, когда, наконец, поняла, что меня окружают чужие стены. Движение отозвалось резкой болью в голове, но я лишь отмахнулась: гораздо важнее понять, где я сейчас нахожусь. Следуя выработанной привычке, сначала я потянулась к оружию... Которого, конечно, меня лишили. Я в злости сжала кулаки. Если они что-то сделают с Энн, им не поздоровится.

Комната, в которой я очнулась, не напоминала клетку для заключенных. Напротив, она была достаточно уютной: ремонт, конечно, видел времена и получше, но в остальном – полная пригодность для более или менее комфортного жилья. Чуть отсыревшие деревянные полы поскрипывали, пока я ходила кругами, рассматривая всё подряд: слева от входа висели полки, такие пыльные, что становилось понятно, что никто ими не пользовался лет пять. Дальше, у окна – стол и покосившаяся табуретка, садиться на которую я не решилась. Без особой надежды я подергала оконную ручку. Похоже, заело. Я начала налегать на свой, возможно, единственный способ сбежать, то ногтями и пальцами пытаюсь поддеть дверцу, то остервенело двигая ручку вверх и вниз. Не преуспев, я раздосадовано хлопнула ладонью по лакированной поверхности стола. В том что-то недовольно грохнуло в ответ и ящик, на который я сначала не обратила внимания, медленно выдвинулся.

Сережки? Почему здесь лежат женские сережки? Пока я разглядывала непонятно как попавший туда предмет, в ящике блеснуло что-то еще. Следом я выудила браслет. Тонкий и хрупкий, змейкой устроившийся на моей ладони, он идеально смотрелся бы на изящной женской ручке. Совершенно не разбираясь в украшениях, я не стала прикидывать их точную цену, но дешевыми они явно не выглядели. Странно. Я встречала полно людей, кто на обмен охотно принимал драгоценности. Вот уж не понимаю, кому сейчас есть дело до побрякушек, но факт оставался фактом. Так что ж эти не обменять? Тянут на пару банок тушенки точно.

Я поскребла пальцем по золотой поверхности, и то, что я сначала приняла за ржавчину, легко сошло, оставив на моей коже темный отпечаток. Я непонимающе уставилась на пятнышко. Похоже на кровь. А раз оттирается, значит, еще довольно свежая...

Я быстро закинула украшения обратно и закрыла дверцу. Появилось острое желание вымыть руки, и я поспешно вытерла их об одежду, не имея других вариантов. Куда бы я ни попала и что бы эти вещи ни значили, валить нужно как можно быстрее. Мне здесь не нравилось всё больше и больше с каждой минутой! Я повернулась к двери. Наглость – второе счастье. Не получилось обходным путем (предательское окно!), пойду через главный вход.

Я сделала шаг и вздрогнула: к комнате подошел мой «старый знакомый». Он сложил руки на груди и с многозначительным видом облокотился о дверной косяк, сразу пресекая любые попытки сбежать.

Со вчерашнего в нем ничего не изменилось, разве что одежда сменилась на более удобную: теперь он был в темных джинсах, слегка потертых в некоторых местах, и черной простой футболке, оголяющей руки. Даже взгляд остался таким же безмятежным, но теперь к невозмутимости моря добавились искорки веселья, иногда вспыхивающие в его глубинах. Совершенно осведомленный о своем превосходстве, сейчас он выглядел еще более самоуверенным, чем раньше.

– «Мы не злодеи, но на всякий случай тебя похитим», – вместо приветствия язвительно проговорила я. Грубость слетела с языка раньше, чем я успела завязать его узлом. Ссориться с тем, кто желает тебе зла и в любую секунду может выкинуть всё, что захочет, потому что ты на его территории – импульсивный, если не сказать идиотский, поступок.

Но либо дурам везет, либо мышление этого парня совершенно за гранью моего понимания, но он только хмыкнул в ответ на мою колкость, и, кажется, совсем не выглядел задетым.

– Ты была агрессивно настроена, – он развел руками. – В любую секунду твой палец мог дрогнуть, а моя сердечная клетка мне еще нужна. Лорелея о сделанном не жалеет, но извинится при встрече точно, все уши мне утром прожужжала о том, как переживает за тебя и твою голову.

– Кто? – моргнула я.

– Девушка, что так ловко отправила тебя в забытие одним метким ударом. Ты же не думала, что за тем воришкой я отправился один?

«Тоже верно», – подумала я, а вслух сказала:

– Он не был похож на вора. Скорее, на до смерти перепуганного человека, бегущего от опасности.

Я внимательно посмотрела на мужчину передо мной. Если он плохо умеет врать, начнет тушеваться, мычать что-то непонятное и рассматривать пол. Либо можно попробовать нескончаемую очередь из вопросов: где-нибудь он даст слабину и поскользнется на собственной лжи.

– Не успел вынести награбленные припасы, его заметили раньше, – парировал тот. – Ты всегда идешь в лоб, слепо веря всему, что на первый взгляд кажется правдивым? Если из-за его пазухи не вываливались банки с красной икрой, а в каждой руке не было по два типа оружия, это не значит, что он невинная овечка.

Немного ошарашенная такой резкой и прямолинейной критикой, я промолчала. Вроде никогда не задавалась вопросами о собственной смекалке, а тут такое...

Он вздохнул и потер лоб. Морщины уже затронули его лицо, и теперь они то сбегались вместе, то разглаживались, передавая настроение хозяина.

– Давай так. Я отвожу тебя в столовую, ты завтракаешь и попутно задаешь любые возникающие вопросы, а я отвечаю совершенно честно и без утайки, иначе в противном случае наш диалог может разбиться о стену непонимания.

– Сначала вы вторгаетесь в мою обитель, убиваете при мне человека, затем оглушаете, притаскиваете в свою коммуну, а теперь серьезно не понимаете, почему на самом деле наш диалог не клеится?

– Ты не сказала «нет», – заметил он.

– Я не говорила, что не голодна, – я пожала плечами и пошла к выходу из комнаты.

Тот снова хмыкнул и посторонился, пропуская меня. Затем зашагал рядом.

* * *

Место, в которое я попала, поражаю своими масштабами. Дело было не только в огромном помещении, которое, по всей видимости, раньше служило чем-то вроде приличного загородного коттеджа, не только в четырех этажах, богатстве архитектурной мысли и практичности. Больше всего меня впечатлили люди, которые здесь жили. Пока я с мужчиной миновала комнаты, в которые я бросала любопытные взгляды, коридоры и лестничные пролеты, мы встречали множество личностей. Все были сосредоточены и заняты чем-то своим: сновали туда-сюда, словно муравьи, носили что-то в руках, переговаривались друг с другом. Зачастую подходили к нам, со мной не заговаривали, только посматривали – кто враждебно, кто с интересом. Один парень мне дружелюбно улыбнулся, но под взглядом моего таинственного спутника быстро ретировался. Всем что-то нужно было от него. Называли его Себастьяном, но никогда не сокращали до какого-нибудь «Себа», даже те, кто в знак приветствия отбивал ему пять и общался совсем по-свойски. Кто-то спрашивал совета по вопросам быта в зомбиапокалипсисе (вроде «во дворе закончились могилы, стоит вырыть новые», «кто пойдет на вылазку в город?», или «Джим не возвращается уже пятый день, отправляться следом или не трогать народ?»), кто-то просто хотел переброситься парочкой слов, но при мне откровенничать не собирались, поэтому разговоры особо не шли. Я молча следовала рядом, иногда бросая взгляды на Себастьяна, ожидая от него каких-то объяснений или рассказов об общине. Тот непривычно притих, с серьезным лицом думая о чем-то своем, а про меня, казалось, чуть ли не забыл.

Неужели он здесь во главе? Снующие вокруг него люди более чем указывали на это, но верилось с трудом. Если такая... специфичная личность у них лидер, я искренне удивлена, что это место еще не сравнивали с землей. Впрочем, первое впечатление бывает обманчивым.

Кухня, на которую мы пришли, казалась просторной благодаря совмещенным месту готовки и обеденной. В окна на кремовых стенах пробивался солнечный свет, и по расположению бледного диска в небе я предположила, что перевалило за полдень, и мой прозванный завтраком прием пищи уже перешел в обед. За хорошо вымытыми плитами стояло несколько людей, каждый из которых носил фартук. Одна из них – девчонка лет пятнадцати – отсалютовала мне поварешкой, не отвлекаясь от кастрюли и высоким мелодичным голосом напевая что-то себе под нос. Она резко подлетела к одному из шкафчиков, распахнула дверцы и вернулась к еде уже с какой-то приправой. Что-то булькающее и наваристое, над чем она порхала, напоминало суп, и я попыталась вспомнить, когда последний раз ела такую еду.

Остальные – парень чуть постарше девочки и мужчина в годах – тоже орудовали на кухне, стучали ножами, шумели посудой, хрустели пакетами из-под продуктов. Кухонные приборы выглядели как продолжение их рук, и весь процесс казался таким естественным, что я решила, что у них всё распределено до мелочей, и за готовку чаще всего отвечает именно эта троица. Комнаты наполнялись непередаваемым запахом домашней еды, от зажженных конфорок шло тепло, и я почти расслабилась, убаюканная этими ощущениями.

В отличие от бодрой девчонки, поприветствовавшей меня хотя бы поварешкой, со мной эти двое здороваться, похоже, не собирались, при этом Себастьяну каждый из них охотно сказал «привет». Тот блеснул зубами в ответ, но меня представлять не спешил. Я могла бы возмутиться на это раньше, но сейчас подозрительное отношение к незнакомцам и незнакомкам было, на самом деле, показателем умения выживать и учиться на своих ошибках, а не признаком дурных манер.

Себастьян подвинул скамью из-за обеденного стола, приглашая меня сесть, а сам ушел куда-то к кухонным стойкам и зашумел шкафчиками. Какое-то время я наблюдала за ним через плечо, но вскоре повернулась обратно. Казаться навязчивой не хотелось, да и мой мозг настолько не мог понять и обработать происходящее, что непроизвольно хотелось сжаться, уменьшиться в размерах и не сталкиваться ни с кем взглядами. Напускная бравада медленно сползала, обнажая мою сущность: маленькую девочку с огромными испуганными глазами, которой просто хотелось, чтобы её оставили в покое.

Передо мной приземлились две чашки, от которых исходил пар и приятный ягодный аромат. Я взяла одну, по привычке обхватив так, чтобы исходящее от нее тепло грело руки, хотя нужды в этом не было. Изящная золотистая каемка блестела под определенным углом от попадания на нее лучей солнца, и я аккуратно покачивала кружку в ладонях, рассматривая блики. Себастьян сел напротив, но не прерывал молчания, терпеливо постукивая пальцами по своей чашке. Глаз он не поднимал, будто выискивал что-то в чайной гуще.

Внезапно парень подорвался с места и ушел в другую часть кухни, отделенную стеной. Он не сказал ни слова, поэтому я, немного удивившись, принялась ждать его, иногда отпивая чай.

Себастьян появился также резко, как и исчез. Он положил передо мной белый кружочек таблетки, и я посмотрела на нее так, словно она была готова вот-вот трансформироваться в гранату.

– Лея не оставила бы меня в живых, если бы я забыл дать тебе обезболивающее, – объяснил лидер общины.

Я упрямо сложила руки на груди и даже отодвинулась от стола под недоумевающий взгляд Себастьяна.

– Мало ли что это. Я не буду пить «таблетки» непонятного происхождения.

Себастьян расхохотался. В его глазах словно запрыгали солнечные зайчики.

– Ты думаешь, мы тебя к наркотикам прикормить пытаемся?

Я захлопала глазами. Смеяться над чьим-то инстинктом самосохранения в подобные времена не очень-то и по-взрослому. Я не имела понятия, что в себе содержала эта штучка, яд или ЛСД, но на себе проверять не собиралась, и это казалось мне совершенно логичным.

Отсмеявшись, мужчина снова ушел и вернулся, на этот раз сжимая в руке что-то небольшое, неоднозначной формы и белого цвета. Я внимательно наблюдала за ним. Себастьян нарочито медленно поставил то, что оказалось коробочкой лекарств перед собой, открутил крышку и наклонил упаковку. С характерным звуком застучали таблетки, и одна упала ему на ладонь.

Он положил ее рядом с предыдущей, и теперь их нельзя было отличить. Я еще раз пробежалась глазами по этикетке лекарства, удостоверюсь, что глаза меня не обманывают. Сильное обезболивающее с трудновыговариваемым названием. Подвоха, вроде, нет. Я взяла невесомый кружочек пальцами, всё еще колеблясь.

– Нет, я конечно могу принять одну вместе с тобой в качестве доказательства, что не пытаюсь тебе подсунуть что-то нехорошее, – на вдохе проговорил Себастьян, цепляя другую таблетку. – Но это – ужасная трата медикаментов, которая останется на твоей совести.

Я подняла руку в останавливающем жесте и закинула лекарство в рот.

– Я поняла. Спасибо, – глоток чая отправился сопровождать таблетку, и я уже могла почувствовать, как голову отпускали невидимые тиски, а боль приглушилась, словно ее накрыли тряпкой.

Теперь можно поговорить и о других вещах. Какая-то часть меня, особо слабохарактерная, предлагала наоборот сохранять молчание и просто дожидаться еды, а не досаждать и так больной голове раздумьями, но пойти на поводу у своих желаний я не могла.

– Тот человек... Вы сказали, он вор. Что он брал? – я взяла себя в руки и пристально посмотрела на лидера общины.

– А что обычно нужно людям во время зомбиапокалипсиса? Еда, медикаменты, оружие. Последнее Томас таскать струсил, у нас всё режущее, колющее и огнестрельное на счету, шум поднялся бы сразу. Поэтому повел себя по крысиному, начал в своей комнате прятать «по мелочи». Наверное, пробирался ночью на кухню или типа того.

– И зачем ему это? – перебила я Себастьяна. – Он же всё равно жил с вами, разве вы тут не делитесь друг с другом?

Мужчина посмотрел на меня как-то неоднозначно. Как-то и устало, и с иронией, но при этом будто пытаюсь эти эмоции скрыть или притупить. Ну, мой последний вопрос и правда прозвучал глупо... Особенно это подчеркнула тарелка супа, которой грохнули о стол как раз только что. Я не успела поблагодарить подошедшего повара, что был самым старшим из них троих, как тот небрежно кинул ложку рядом и удалился обратно к плитам.

– Слушай... Как ты, сказала, тебя зовут?

Мне хотелось поморщиться от его фамильярности, но вместо этого я сделала еще один глоток чая и взяла в руки ложку.

– Я не говорила. Лия.

Похлебка получилась вкусной. Я не разобрала, из какого мяса был бульон, но он был насыщенный и отменно приправлен. Я выловила крупный кусок картошки и с наслаждением отправила его в рот.

– Лия, у тебя проблемы с причинно-следственной связью?

Я удивленно хлопнула глазами и уставилась на Себастьяна. Вау. Грубо. А у кого-то, кажется, проблемы с самоконтролем и перепадами настроения. Мужчину моя реакция только рассмешила, и на секунду его губы тронула легкая улыбка. Она пропала так быстро и бесследно, словно ее нарисовали карандашом, а потом одним движением ластика стерли.

– Мы не знали его мотивов наверняка, не до этого было. Когда один из наших обнаружил склад под кроватью, последнее, чего хотела община – это разобраться, что у него на уме.

– И вы решили на месте его прикончить, – закончила за него я.

Судя по виду Себастьяна, моя привычка говорить за него начала действовать ему на нервы. Я уткнулась обратно в тарелку.

– Нет, – поразительное терпение, у него даже тон не изменился. Он зачем-то поднялся с места, и я непроизвольно отшатнулась, напуганная резким движением. Мужчина бросил на меня быстрый, ничего не выражающий взгляд и поставил ногу на скамью.

– Что вы... – начала я и осеклась, не закончив предложение.

Его левая икра, показавшаяся из-за одежды, пряталась под толстым слоем бинтов, пропитавшихся кровью. Они были замотаны криво, будто бинтующий куда-то торопился и совсем не переживал о результате. Когда кусок белой марли отлетел в сторону, я увидела множество кровоподтеков, глубоких царапин, словно кто-то пытался полоснуть его снова и снова, и одно четко выделяющееся ранение, скорее всего, ножевое. Теперь стало ясно, почему он тоже хро-мал. А я не обращала внимания, думала, мозоль натер или вроде того. Мужчина одернул ткань джинсов.

– Прошу меня простить за столь неэстетичный вид. Надеюсь, у мисс не пропадет желание продолжить трапезу, – с явной издевкой проговорил Себастьян, манерно склонив голову. Вместо ответа я демонстративно набрала полную ложку супа и съела ее. Зрелище и вправду было не самым приятным, но в подобное время ко многому привыкаешь. Раньше, например, медики с таким же успехом могли обедать около вскрытых трупов.

Он сел обратно за стол и продолжил:

– Томас сам не был настроен на дружелюбные разговоры. Сама подумай: скорее всего, он хотел набрать припасов и удрать, чтобы не пахать на благо всей общины. Спрятался бы где-нибудь да медленно точил еду, не зная бед. Я пришел к нему один, чтобы не накалять обстановку, хотел разрешить это более или менее мирно, но Том прикинул, чем ему грозит

воровство, и без слов кинулся на меня, завязал драку. Оставив во мне нож на прощание, он решил, что выпал подходящий момент для побега. Я – следом, а Лея, как обычно, воинственно кинулась за нами.

– А дальше я уже видела, – сказала я. И задумалась. Звучало достаточно правдоподобно. С ворами сейчас поступают жестоко, неудивительно, что они не захотели его отпускать. Я решила эту ситуацию на время опустить и задать другие возникшие у меня вопросы, пока Себастьян в хорошем расположении духа. И пока я сама вообще здесь. Один вопрос горел ярнее других и терзал мое любопытство очень уж сильно, но я не могла решиться, стоит ли его озвучивать.

Ложка с тихим звоном стала касаться дна, и вскоре пустая тарелка была отставлена в сторону. Я вернулась к чаю, не поднимая глаз и раздумывая. Напиток обжигал, но я этого не замечала, сжимая чашку в руках всё крепче и крепче.

Себастьян заглянул мне в глаза.

– Ты хочешь что-то спросить?

Какой проницательный. Ну раз так...

– Зачем вы меня сюда привели? – не выдержала я, оторвавшись от измученного чая. – Могли бы просто оставить там без чувств. Полежала бы пару часиков, очнулась, вернулась к своим делам. Или вы изначально могли сбежать сразу после того, как застрелили Томаса.

Он замер, остановил зрительный контакт и отрешенно уставился на стол. «Всё, – обреченно подумала я. – Сейчас скажет, что у них здесь секта, и я нужна им для жертвоприношения. Или просто изнасилует и убьет. Или наоборот: сначала убьет, потом изнасилует. А может, все одновременно».

– Лея бы не позволила, – Себастьян прервал поток моих панических мыслей, перестал напоминать каменное изваяние и принялся то водить пальцами по столу, то перебирать их. – Она у нас идеалистка. Всех-то ей нужно спасти, всем помочь.

– А с чего вы взяли, что я нуждаюсь в спасении? – нахмурилась я.

Мужчина помолчал. На кухне все также шумели повара, кто-то из общины приходил за едой, но, взяв тарелку, уходил, хотя я была готова поклясться своим братом, что обычно прием пищи проходил тут. Но столы рядом с нами продолжали пустовать, только неизменная троица сновала туда-сюда, занимаясь вопросами быта. Девчонка иногда задерживалась у соседнего стола с тряпкой подозрительно долго, видимо, грея уши. Пары выразительных взглядов от Себастьяна оказалось достаточно, чтобы она ушла в дальнюю часть обеденной.

– Мы все прошли через... Много, – мужчина посерьезнел. – У каждого своя история, свои причины доверять или не доверять людям. Но выживать группой в любом случае безопаснее и проще. Мы пытаемся создать крепкое и надежное членство, куда могут приходиться выжившие со спокойной душой, зная, что они могут рассчитывать на нашу помощь.

Он говорил твердо, убедительно, а тем временем перед моими глазами снова возник труп с простреленной головой. Кровь на белом снегу. Неестественно изогнувшиеся руки, в которых не было оружия. Растрепавшиеся после падения волосы.

Себастьян, словно прочитав мои мысли, снова заговорил, и теперь в его голосе я услышала нотки, отдающие сталью. Такие же холодные и безапелляционные, как оружие, что из нее куется.

– Это – мир для *сильных* людей, Лия, – мужчина говорил громче и отчетливее, чем раньше, будто пытаюсь донести какую-то простую истину, которую понимали все, кроме меня. – Мы должны уметь принимать сложные решения, что другим будут не под силу. Все, кто ставит наше состояние под угрозу, должны покинуть общину.

– И лучше – вперед ногами, – добавил он, откидываясь назад. По моей коже пробежали мурашки. Мне не понравилось то, что я увидела в его глазах. В них был холод, тот холод, который ты почувствуешь, когда тебя вышвырнут на улицу, как котенка, не подумав о том, что

метка термометра уже опустилась ниже -30. На тебе куртка из тонкого нейлона, и как бы ты ни обхватывала плечи, как бы ни терла их руками, будешь чувствовать только обжигающий мороз. И снег, хлопьями бьющий тебе в лицо и щипающий за каждый миллиметр не прикрытого одеждой тела, будет последним, что ты увидишь.

Вот что пугало меня больше открытой враждебности. Двумличие. Неопределенность. Сейчас он поит меня горячим чаем, шутит и широко улыбается, напоминая Чеширского кота, а потом выкинет что-то из ряда вон выходящее. Конечно, я не могла знать этого наверняка, ведь пока что все его слова были более или менее обоснованы – защиту своей коммуны, пусть даже такую радикальную, я тоже могла понять – но выяснять на собственной шкуре не хотелось. Я разрывалась на две части: рядом с ним я ощущала и чувство безопасности, и исходящую немую угрозу. Поэтому не могла определиться – схватиться за него и не отпускать или бежать подальше без оглядки.

Не знаю, противоречивые эмоции ли отразились на моем лице, или Себастьян решил, что болтовни на сегодня достаточно, но он поднялся из-за стола и проговорил:

– Я не могу решать за кого-то. Выбор остается за тобой. Советую тщательно всё взвесить и не принимать поспешных решений, о которых впоследствии можешь пожалеть.

Он огляделся по сторонам. По его лицу почему-то проскользнула тень, и я непроизвольно подалась вперед, всматриваясь в него.

– У нас хорошие люди. Любой, кого ты видишь в этих стенах, прошел проверку на надежность, – выражение его лица, омрачившееся на долю секунды, мгновенно сменилось на то, что было раньше, будто он одним движением надел маску. Это напрягло меня еще сильнее. – Поговори с ними, если захочешь услышать субъективное мнение о проживании в нашей общине. С Лорелей ты уже так или иначе знакома (я вспомнила про шишку на голове и слегка коснулась ее пальцами. Уже почти не болит), можешь пойти к ней. Поищи на первом этаже, скорее всего, она оккупировала самый большой стол, разложила на нем наши карты и рисунки, и теперь до мелочей планирует вылазки.

Я кивнула. Себастьян уже собрался уходить, но я внезапно поняла, что он может мне помочь.

– Подожди...те! – исправилась я, чуть не обратившись к нему на «ты».

– Я вроде не настолько старый, – заметил мужчина. Он состроил обеспокоенное лицо и дотронулся до своего лба и уголков глаз. – Или морщины уже дают о себе знать? В любом случае, переставай выкать.

– Извинит... Извини. Я... Мне и правда нужна кое-какая помощь.

Себастьян взглянул на меня с интересом. У него хобби такое – рыцаря из себя строить, или я просто выгляжу как человек, который таких слов обычно не произносит?

– Я ищу лекарство, точнее, всё, что с ним связано. Зацепки, наводки, кто над ним работает и где, – я выпрямила спину и заговорила четче, с холодным блеском в глазах. – Если моя цель идет вразрез с вашей, я вряд ли смогу остаться здесь, но, если вы располагаете какими-то знаниями на этот счет, я сделаю всё что потребуется в обмен на информацию. Любую услугу.

– Антивирус-то? Я думал, это миф, – удивленно сказал Себастьян. – Ты уверена, что он вообще существует?

Я активно закивала головой.

– Прошло уже много времени. Если бы никто не начал шевелиться, мир был бы обречен на конец. Государственные структуры, которые и должны заниматься этим, потерпели крах еще в самом начале апокалипсиса, но вымирания человечества допустить нельзя, и все, в ком осталась хоть капля здравомыслия, это понимают.

Мужчина внимательно слушал, и скепсис на его лице постепенно сменился серьезностью.

– Мы потеряли многое, но не знания, заложенные в нас. Биологи остаются биологами, медики медиками, физики физиками. Если объединить усилия, можно добиться результата, –

я сделала глоток чая, который оказался остывшим. – Я состояла во многих группах выживающих, виделась с разными людьми. Ты удивишься, узнав, какое большое количество человек ставило себе целью всеобщее благо, возвращение к тому, что было раньше.

– Есть такое выражение: «Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой», – хмыкнул Себастьян. Но я знала, что мои слова вызвали в нем отклик. Я буквально могла видеть призраков его прошлого: они появились в его глазах, засверкали слабыми силуэтами надежды. Он терял кого-то. Друга, сестру, девушку, мать. Мысли о всех, кто остался далеко позади, кто жив только в наших воспоминаниях и мысли о тех, кого мы еще можем лишиться – они перевешивали чашу весов и заставляли слушать дальше.

– У всех были свои взгляды по поводу того, как можно изобрести вакцину. Кто-то собирал небольшие группы добровольцев и приступал к работе самостоятельно, кто-то выходил на связь с теми, кто уже имел какие-то представления, как действовать, – я говорила горячо, с запалом, жестикулируя и иногда переходя на тон тише, будто говорила о чем-то крайне секретном. – Я подозреваю, что все они рано или поздно должны были собраться в одном-единственном месте, движимые общей целью. По крайней мере, я что-то такое слышала.

– «Что-то такое слышала» – не самый достоверный источник информации, – проговорил мужчина. – И даже если так, им нужно оборудование, пространство, здание, в конце концов. И новые рекруты. Думаешь, они в силах справиться сами?

– Нет, потому я и хочу присоединиться. Я не отличаюсь познаниями в медицине или точных науках, но всё равно могу быть полезна. Помогать с пропитанием и вообще всем, что составляет основы выживания. Пока умные люди будут заняты своим делом, я и другие волонтеры будем обеспечивать их всем необходимым для проживания, – я по полочкам разложила свои намерения, пытаюсь убедить собеседника. Он всё еще смотрел на меня с сомнением.

– Я тебя услышал, – сказал он. – Как ты уже догадалась, у нас нет информации или наводок по этой теме, но... Я думаю, в наших же интересах к тебе прислушаться и попробовать выйти на этих людей.

– Только как? – я задала вопрос, которым мучилась уже довольно давно. – Мобильная связь работает с перебоями, электричество тоже не везде доступно. Если добровольцы и ищут людей, то каким методом? Вряд ли выбегают на улицы с агитирующими вывесками и ждут, пока заинтересованный народ подойдет.

Я вспомнила свои вылазки, которые так и не венчались успехом, максимум – слухами и теми крупными сведениями, которые были способны только на то, чтобы подтвердить мысль о том, что где-то все эти люди базируются и работают над лекарством, но не более. Копать нужно было глубже и глобальнее, а я не имела представления, как это сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.